

УДК 811.161.1'37+811.133.1'37

Л. А. Метелькова, Н. В. Чукарикова, С. В. Иванова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕРРОРИЗМ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства и приемы, используемые в современных французских газетах для представления террористического события. Цель работы – исследование образа терроризма в политической картине мира французских и российских СМИ на основе выявления, анализа и классификации концептов какого-либо события, связанного с терроризмом. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные задачи: 1) эксплицировать теоретические понятия «концепт», «концептуальная метафора», «языковая картина мира» и соотношение этих понятий между собой; 2) выявить и систематизировать лексико-семантическую группу «терроризм» и «le terrorisme» в русском и французском языках; 3) проанализировать различные подходы к анализу газетно-публицистических текстов.

Ключевые слова: *лексико-семантическая группа, концепт, концептуальная метафора, языковая картина мира, терроризм, анализ газетно-публицистических текстов.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования объясняется тем, что жизнь современного общества наполнена различными событиями, среди которых такое явление, как терроризм, уже не является редким и представляет все большую проблему, а использование языковых средств, привлекаемых участниками коммуникации, может оказать существенное влияние на осмысление идеи терроризма в целом.

Материал и методика исследований. В качестве материала для исследования использовались тексты левоориентированных и правоориентированных французских газет «Monde», «Libération», «Le Figaro», «Atlantico», а также материалы с сайтов «Газета.Ru» и «Российской газеты». Для решения задач исследования применялись описательный метод и метод сопоставительного анализа.

© Метелькова Л. А., Чукарикова Н. В., Иванова С. В., 2017

Метелькова Лилия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lakhrt6@gmail.com

Чукарикова Наталия Викторовна – студентка 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: natalyahamster@gmail.com

Иванова Светлана Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: svetlana23-02@mail.com

Статья поступила в редакцию 11.11.2016

Результаты исследований и их обсуждение. Язык средств массовой информации создает определенную картину мира, воздействующую на понимание той или иной реальности. Терроризм, являясь для французского и российского читателя инородным, незнакомым феноменом, раскрывается с помощью событийных концептов и также становится объектом метафоризации, что позволяет составить представление о нем с использованием хорошо знакомых французам комплексов знаний и сведений.

«Лексико-семантическое поле – понятие весьма емкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии – проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия. Решение задач, связанных с семантическими полями в лексике, позволяет по-новому освещать перечисленные проблемы» [5].

Сам термин «лексико-семантическое поле» в лингвистике впервые был употреблен Г. Ипсенем; поле определялось как совокупность слов, обладающих общим значением, а Й. Трир предложил исследовать лексику по семантическим (понятийным) полям, под которыми понималась в первую очередь структура определенной сферы или круга понятий. В языке понятийному полю соответствует лексическое, которое вычленивается из словарного состава, будучи соотношенным с каким-либо понятийным полем.

Несмотря на то что понятие семантического поля получило большое распространение, число конкретных исследований постоянно растет и в теорию вносятся добавления и уточнения, тем не менее семантическое поле остается наименее исследованной единицей лексики. До сих пор в языкознании не определены строгие границы применения термина, а в определениях семантического поля, лексико-семантического поля, лексико-семантической группы и т. п. и их границ между исследователями нет единства. Ими часто обозначаются разные объединения слов. Во многих работах объем понятия оказывается неопределенно широким или, наоборот, очень узким. Также не наблюдается единообразия и в употреблении терминов [1], [2], [3], [4], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Приведем одно из определений. Семантическое поле – это «...множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [6]. Семантическое поле – это «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением» [9].

Итак, можно сказать, что *семантическое поле* является наиболее общим термином, гиперонимом по отношению к таким понятиям, как лексико-семантическое поле, функционально-семантическое поле, метафорическое поле, ассоциативное поле и т. д. Лексико-семантическая группа, в свою очередь, является подвидом внутри лексико-семантического поля.

Ю. Н. Караулов дает следующее определение лексико-семантического поля: «Лексико-семантическим полем называется группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [5].

Итак, лексико-семантическое поле – сложная лексическая микросистема, которая объединяет слова по семантическому принципу и обладает специфической полевой структурой, а также состоит из микрополей. Элементы взаимосвязаны, упорядочены и иерархичны. Такие поля имеют ряд свойств: отсутствие четких границ, продолжительность, незамкнутость, взаимодействие с другими полями, автономность, асимметричность построения, самостоятельность в лексико-семантической системе, специфичность в разных языках. Лексико-семантическое поле состоит из лексико-семантических групп.

Рассмотрим лексико-семантическую группу «терроризм».

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой слово «террор» трактуется как «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения» [7]. Здесь терроризм в первую очередь связывается с политикой, устрашением политических противников или с какими-либо иными политическими целями. Возможно, это можно объяснить тем, что указанный словарь был издан, когда еще не существовало международного терроризма, а террор был связан главным образом с внутренней политикой государства, однако главной целью имел также вселение страха посредством устрашающих насильственных действий.

В современных юридических и правовых словарях терроризм имеет схожее определение со словарем «La Rousse»: «Ensemble d'actes de violence (attentats, prises d'otages, etc.) commis par une organisation pour créer un climat d'insécurité, pour exercer un chantage sur un gouvernement, pour satisfaire une haine à l'égard d'une communauté, d'un pays, d'un système» (Совокупность насильственных актов (покушения, захвата заложников), совершенных какой-либо организацией для создания атмосферы неуверенности, шантажа правительства, для удовлетворения ненависти по отношению к какому-либо сообществу, стране, системе).

Во французском языке слово «террорист» имеет следующий синонимический ряд: *terroriste* 'террорист', *kamikaze* 'камикадзе', *tueur*, *assassin* 'убийца', *assailant* 'нападающий', *djihadiste* 'джихадист', *islamiste* 'исламист', *malfaiteur* 'злоумышленник', *home armé* 'вооруженный', *sapeur* 'сапер, подрывник', *criminal* 'преступник', *auteur*, *exécuteur* 'исполнитель', *combattants de l'apocalypse* 'воины апокалипсиса', *extrémiste* 'экстремист', *radical* 'радикал', *bandit* 'бандит', *fanatique* 'фанатик'.

Русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с ключевым словом «террорист» представлен такими словами, как *боевик*, *ваххабит*, *взрывник*, *враг*, *злоумышленник*, *исполнитель*, *камикадзе*, *подрывник*, *преступник*, *противник*, *смертник*, *смертница*, *убийца*, *шахид*, *шахидка*, *снаряд*, *террорист-смертник*, *террорист-смертница*, *подрывник-смертник*, *женщина-террористка*, *черная вдова*, *тикающая бомба*, *живая бомба*, *террорист-одиночка*.

Внутри приведенных рядов отметим сходства и различия: 1) общие для обоих языков семантические подгруппы – лексемы *злоумышленник*, *убийца*, *преступник*, *malfaiteur*, *tueur*, *assassin*, *bandit* – называют субъектов, совершивших противоправные действия; 2) гендерно-маркированные лексемы, а именно существительные женского рода (*вдова*, *смертница*, *шахидка*, *женщина-террористка*, *террорист-смертница*), в русском языке имеют большую обозначенность и более негативную оценочность, чем во французском (*femme-terroriste*); 3) лексемы, в основе наименования которых лежит метафорический перенос «инструмент выполнения действия – человек, совершивший это действие» (*бомба*, *снаряд*), более присущи русскому языку; 4) в русском языке имеются литературные коллоквиализмы с негативно-оценочным коннотативным компонентом (*тетка*, *одиночка*).

Следует также указать на то, что: 1) во франкоязычной группе лексемы *combatant*, *assailant* обладают общим семантическим компонентом 'физическое воздействие при нападении'; 2) синонимическое словосочетание с общим словом *combattant* содержит следующий смысловой компонент: 'сопутствующие обстоятельства' – *apocalypse*; 3) синонимы *malfaiteur* – *злоумышленник* не совпадают по значению: слово *злоумышленник* образовано от корней *зло* и *ум* (тот, кто имеет злой умысел), *malfaiteur* – от корней *mal* 'зло' и *fait* 'дело, деяние, поступок'.

Русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой «взрыв»: *хлопок, грохот*. Франкоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой *explosion* ‘взрыв’: *allumage* ‘зажигание’, *démarrage* ‘отправление, старт’, *contact* ‘контакт; (co)прикосновение’, *combustion* ‘сгорание’, *attentat* ‘покушение, посягательство’, *attaque* ‘атака, нападение’, *agression* ‘агрессия, нападение’, *déflagration* ‘взрыв’, *boom* ‘бум’, *flambée* ‘сильный огонь, вспышка’. Лексические единицы этих двух рядов принадлежат к литературному стандарту. В обоих синонимических рядах отсутствуют синонимы, представляющие словосочетания с ключевыми словами, где отростепенные компоненты уточняют характер совершения взрыва, его место или время.

Русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой «взрывать»: *срабатывать, бабахнуть, рвануть*. Франкоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой *explorer* ‘взрывать, приводить в действие взрывное устройство’: *détoner* ‘взрываться под действием детонации’, *déflagrer* ‘взрываться’, *éclater* ‘разорваться, лопнуть’, *sauter* ‘прыгать; взрываться’, *crever* ‘лопнуть’, *tonner* ‘греметь, грохотать’, *retentir* ‘звучать, раздаваться’, *crépiter* ‘потрескивать, трещать’. Структура сопоставляемого ряда русского языка строится по схеме «литературные синонимы + литературные коллоквиализмы», тогда как во французском языке лексические единицы принадлежат к литературному стандарту.

Перейдем к рассмотрению двух подгрупп синонимических рядов, сформировавшихся на страницах только русскоязычной прессы.

1. Первая подгруппа представлена пятью синонимическими рядами с наполнением от двух до пяти синонимов. Русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой «терроризм»: *война, партизанская война, террористическая война, машина смерти*; с доминантой «каркас»: *остов, лохмотья*; с доминантой «ликвидировать»: *убить, уничтожить*; с доминантой «присоединиться (к боевикам)»: *примкнуть, уйти в лес*; с доминантой «лидер»: *вожак, главарь*.

2. Вторая подгруппа включает два синонимических ряда с аналогичным количественным наполнением – от двух до пяти синонимических единиц. Русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с доминантой «взрывное устройство»: *бомба, хозяйство*; с доминантой «террористическая группа»: *бандгруппа, бандподполье, подполье, ячейка, гнездо*.

Особенностью первой подгруппы синонимических рядов является принадлежность лексем к литературному стандарту, в то время как в синонимических рядах второй подгруппы периферийные единицы являются литературными коллоквиализмами (*хозяйство, гнездо*).

Необходимо также привести примеры синонимических рядов, сформировавшихся на страницах только французской прессы.

Контекстуальный синонимический ряд с доминантой *attaque* ‘атака, нападение’: *attaque terroriste* ‘атака террористов’, *terribles attentats djihadistes* ‘ужасные покушения джихадистов’, *affrontement* ‘столкновение, противостояние’, *heurt* ‘удар, столкновение’, *combat* ‘бой’, *choc* ‘толчок, потрясение’, *agression* ‘агрессия’, *violence* ‘насилие’, *algarade* ‘взрыв’, *offensive* ‘наступление’, *clash* ‘столкновение’.

Контекстуальный синонимический ряд с доминантой *terrible* ‘ужасный’: *brutal, monstrueux, inhumaine, abominable, atroce, affreux, cruel*. Здесь выделим две семантические пары: 1) *brutal/inhumaine/atroce/monstrueux* характеризуются наличием семантического компонента ‘крайне жестокий’; 2) *abominable/atroce* обладают общим семантическим компонентом ‘неприятный’, однако лексема *abominable* отличается большей интенсивностью выражения этого качества.

Контекстуальный синонимический ряд с доминантой *victime* ‘жертва’: *disparu* ‘исчезнувший’, *mort* ‘мертвый’, *martyr* ‘мученик’, *proie* ‘добыча’, *cible* ‘мишень’, *tué* ‘убитый’, *blessé* ‘раненый’.

Контекстуальный синонимический ряд с доминантой *violence* ‘жестокость’: *barbarie* ‘варварство’, *brutalité* ‘жестокость’, *cruauté* ‘жестокость’, *sauvagerie* ‘дикость’. Здесь синонимы различаются семей интенсивности: *cruauté* ‘жестокость’ – *barbarie* ‘чрезвычайная жестокость’.

Таким образом, в качестве основных характеристик структурной организации лексико-семантической группы (ЛСГ) «терроризм» отметим следующие:

1) по количественной наполняемости рассматриваемая ЛСГ включает примерно одинаковое количество русскоязычных и франкоязычных лексем;

2) в структуре ЛСГ выделяются франкоязычные и русскоязычные синонимические ряды с сопоставляемыми доминантами: *terroriste* – *террорист*, *explosion* – *взрыв*, *exploser* – *взрывать*;

3) синонимы внутри сопоставляемых рядов являются семантически неточными и отличаются друг от друга набором дифференциальных сем (время, место, сопутствующие обстоятельства, интенсивность), что позволяет дать максимально полную характеристику описываемого объекта;

4) в структуре ЛСГ выделяются синонимические ряды, для которых не формируются аналогичные ряды в другом языке.

С точки зрения лингвокультурологических характеристик целесообразно посмотреть, каким образом преломляются факторы профессиональной маркированности и этико-стилистической сниженности через структуру ЛСГ.

В стилистическом отношении синонимические ряды в двух языках включают минимальное количество разговорных и сниженных лексем в нейтральном лексическом окружении, зафиксированных как в качественных, так и в таблоидных изданиях. Коэффициент насыщенности лексико-семантической группы стилистически сниженными единицами представляет собой процентное соотношение между количеством стилистически маркированных единиц и общим числом синонимов внутри группы. И русскоязычные, и франкоязычные издания не злоупотребляют использованием субстандартной лексики; отдельные коллоквиальные лексические вкрапления стимулируют язык газеты, делают его эмоциональнее, богаче и разнообразнее.

Резюме. С точки зрения структурной организации ЛСГ «терроризм» в русскоязычных и франкоязычных газетах представляет собой открытую иерархическую систему, наделенную такими признаками, как многокомпонентность, незамкнутость объединения, подвижность внешних и внутренних границ, неоднородность структуры, т. е. внутри ЛСГ выделено три уровня. С точки зрения взаимодействия языка и социума лексико-семантические группы демонстрируют двустороннюю взаимосвязь с происходящими в мире событиями. С одной стороны, формирование ЛСГ в газете является ответом на особо значимые события общественной жизни – это влияние окружающей среды на язык. С другой стороны, читатель благодаря наличию синонимических замен в тексте воссоздает полную картину происходящего и формирует свое отношение к событию, в чем и заключается влияние языка на отдельного человека (читателя) и общество в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Воронеж, 1997. – 330 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с французского языка. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 445 с.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 2001. – 400 с.
5. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
6. Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учебник для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азъ, 1992. – 944 с.
8. Патисова Ю. С. Образ государства в зеркале украинского кризиса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 4(88). – С. 54–59.
9. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.
10. Теория метафоры : сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – 512 с.
11. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
12. Филлин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М. : Наука, 1982. – 336 с.
13. *Le petit Larousse grand format*. – Paris : Larousse, 2004. – 1930 p.

UDC 811.161.1'37+811.133.1'37

L. A. Metelkova, N. V. Chukarikova, S. V. Ivanova

LEXICAL-SEMANTIC GROUP «TERRORISM» IN RUSSIAN AND FRENCH

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article deals with the language tools and techniques used in modern French newspapers to represent the acts of terrorism. The purpose of the work is to study the image of terrorism in the political worldview in French and Russian mass media on the basis of the identification, analysis and classification of terrorism act concepts. According to the purpose, there have been revealed some objectives: 1) to explicate the theoretical concepts of «concept», «conceptual metaphor»,

© Metelkova L. A., Chukarikova N. V., Ivanova S. V., 2017

Metelkova, Lilia Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: lakhrt6@gmail.com

Chukarikova, Natalia Viktorovna – Fifth-year Student, Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: natalyahamster@gmail.com

Ivanova, Svetlana Vyacheslavovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: svetlana23-02@mail.com

The article was contributed on November 11, 2016

«linguistic worldimage» and the correlation of these concepts; 2) to identify and classify the lexical-semantic group «terrorism» in the Russian and French languages; 3) to analyze the different approaches to analysis of journalese texts.

Keywords: *lexical-semantic group, concept, conceptual metaphor, linguistic worldimage, terrorism, analysis of journalese texts.*

REFERENCES

1. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka, ih lichnostnaja i nacional'naja specifika : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. – Voronezh, 1997. – 330 s.
2. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika / per. s francuzskogo jazyka. – 2-e izd. – M. : URSS, 2002. – 445 s.
3. Boldyrev N. N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2004. – № 1. – S. 18–36.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – M. : Progress, 2001. – 400 s.
5. Karaulov Ju. N. Struktura leksiko-semanticheskogo polja // Filologicheskie nauki. – 1972. – № 1. – S. 57–68.
6. Maslov Ju. S. Vvedenie v jazykoznanie : uchebnik dlja filol. spec. vuzov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Vysshaja shkola, 1987. – 272 s.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. – M. : Az", 1992. – 944 s.
8. Patisova Ju. S. Obraz gosudarstva v zerkale ukrainskogo krizisa // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – № 4(88). – S. 54–59.
9. Sovremennyj russkij jazyk / pod red. V. A. Beloshapkovoj. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Vysshaja shkola, 1989. – 800 s.
10. Teorija metafory : sbornik statej / pod red. N. D. Arutjunovoj. – M., 1990. – 512 s.
11. Ufimceva A. A. Slovo v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka. – M. : Nauka, 1968. – 272 s.
12. Filin F. P. Oчерki po teorii jazykoznanija. – M. : Nauka, 1982. – 336 s.
13. *Le petit Larousse grand format.* – Paris : Larousse, 2004. – 1930 r.